

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП в РАЗВИТИИ МАЛАЙЗИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В начале апреля 2014 г. малайзийская газета *Utusan Malaysia*, рупор де-факто правящей партии ОМНО, поместила комментарий, обвинив ЦРУ США в причастности к исчезновению малайзийского лайнера, совершавшего в начале марта рейс Куала-Лумпур – Пекин. Авторы комментария, выступая под коллективным псевдонимом *Awang Selamat*, утверждали, что целью акции американской спецслужбы являлся подрыв дружественных отношений между Малайзией и Китаем, принимая во внимание, что две трети пассажиров являлись гражданами КНР. Официальные власти Малайзии поспешили опровергнуть выводы комментария. Тем более, что он появился незадолго до официального визита в Малайзию президента США Барака Обамы¹.

Тем не менее, история с рейсом МН370 серьезно затронула двусторонние отношения. В Пекине заявили, что малайзийские компетентные органы не предоставляют полной информации об инциденте, у посольства Малайзии в Пекине начались постоянные акции родственников погибших пассажиров.

На сегодня отношения между двумя странами приобрели специфический характер, отличный от других государств-основателей АСЕАН. По китайской терминологии, это - отношения «всеобъемлющего стратегического партнерства» и против такой оценки с малайзийской стороны возражений не высказывалось.

Прежде всего, для Малайзии изначально был присущ особый подход к проблемам Южно-Китайского моря (ЮКМ). В полной мере он проявился во время ежегодной министерской конференции АСЕАН в Пномпене в июле 2012 г. В выступлении главы внешнеполитического ведомства Анифы Амана и последующем заявлении МИД Малайзии отмечалось, что существующие территориальные проблемы должны решаться со-

ответствующими, вовлеченными прибрежными государствами без вмешательства внерегиональных держав, т.е. Малайзия выступила против интернационализации проблемы². Приветствуя разработку кодекса поведения сторон, он, по мнению Малайзии, не должен был выступать инструментом урегулирования проблемы, а лишь являться рамками разработки и внедрения мер доверия. В начале июня 2013 г. премьер-министр Малайзии Наджиб Разак призвал стороны, вовлеченные в спор, совместно разрабатывать ресурсы ЮКМ, избегать конфронтации и не привлекать крупные державы.

Формально поддерживая общую позицию АСЕАН по ЮКМ, малайзийские лидеры избегали, чтобы «асеановская солидарность» негативно сказалась на отношениях с Китаем, а тем более вели к конфронтации. В частности, выступая на ежегодной встрече в рамках диалога Шангри-Ла в 2011 г., Наджиб, провозглашая приверженность общей линии АСЕАН визави Китая в ЮКМ, одновременно подчеркнул, что не допустит ее негативного влияния на двусторонние отношения с КНР³.

Наряду с этим, Малайзия крайне сдержанно реагировала на неоднократные вторжения кораблей ВМФ КНР в малайзийскую экономическую зону в районе банки Джеймс (по-малайски *Beting Serupai*) в 60 км от побережья штата Саравак, одновременно являющегося крайней южной точкой дуги притязаний КНР на акваторию ЮКМ.

В марте 2013 г. группа кораблей ВМС КНР провели маневры в данном районе. Первоначально власти Малайзии не реагировали, затем заявили, что не отмечалось случаев столкновений китайских и малайзийских кораблей. Однако затем выразили запоздалый протест. В апреле того же года китайское исследовательское судно посетило банку и установило знаки, свидетельствовавшие о ее принадлежности КНР. Военное ведомство Малайзии заявило, что действия китайского флота не представляли угрозы безопасности страны. В начале 2014 г. группа кораблей ВМФ КНР провела патрулирование в районе банки. В Пекине акция сопровождалась заявлением о неоспоримом суверенитете КНР над этим районом. Поначалу военные власти Малайзии «постарались не заметить» факт проведения маневров. Затем главнокомандующий ВС Малайзии подтвер-

дил, что группа китайских военных кораблей все-таки заходила в малайзийские воды. Однако указал, что последний рейд китайских кораблей являлся «мирным проходом», предусмотренным международным морским правом⁴.

Политическая элита Малайзии продолжала рассматривать Китай в позитивном свете. Хотя всеобщие выборы, состоявшиеся в мае 2013 г., проходили в условиях ожесточенной полемической борьбы, ни одна из ведущих политических коалиций не подняла вопроса, касающегося ситуации вокруг банки Джеймс. Единственным исключением явился лидер внеблоковой Партии реформ Сабаха Джеффри Китинган. Он предупредил, что нерешительность федеральных властей в деле защиты национального суверенитета может привести к потере нефтегазовых ресурсов морского шельфа⁵.

Подобная линия Малайзии вызывалась несколькими причинами. Во-первых, Путраджая не считала, что КНР представляет прямую военную угрозу стратегической безопасности страны, а территориальные проблемы можно полюбовно регулировать в рамках «всеобъемлющего стратегического партнерства». Со своей стороны, Пекин воздерживался от публичного осуждения разработки Малайзией углеводородного сырья на шельфе ЮКМ.

Во-вторых, КНР являлась крупнейшим торговым партнером, на которого приходилось около 30% экспорта/импорта. В 2012 г. взаимный товарооборот составил около 95 млрд. долл. Малайзия превратилась в крупнейшего торгового партнера КНР среди стран АСЕАН. В ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в октябре 2013 г. была достигнута договоренность о доведении взаимной торговли до 160 млрд. долл. к 2020 г.⁶

Малайзия по-прежнему рассматривала китайский рынок как один из наиболее перспективных, хотя торговый баланс в последние годы начал склоняться в пользу КНР. Резкий дисбаланс стал фактом во взаимном инвестировании. Малайзийские капиталовложения в КНР составили порядка 1.2 млрд. долл., в то время как китайские – всего около 250 млн. долл.⁷ На данном фоне обозначилось явное нежелание КНР вкладывать средства в создание в Малайзии предприятий, способных стать конкурентами в будущем. Помимо этого, малайзийскую сторо-

ну не устраивало стремление китайцев создавать предприятия за границей на основе привлечения собственной рабочей силы. Данные проблемы стали одними из острых предметов переговоров на различных уровнях. Как заявил в октябре 2013 г. министр международной торговли и промышленности Малайзии Мустафа Мохамед, Малайзия рассчитывала привлечь по крайней мере 25 млрд. долл. из 500 млрд. долл., которые Китай планировал инвестировать за границей в ближайшие пять лет⁸.

В-третьих, со стабильным развитием отношений с КНР в значительной мере связаны семейное прошлое и нынешняя политическая карьера премьер-министра Наджиба Разака. Его отец, Разак Хуссейн, в мае 1974 г. первым среди лидеров АСЕАН установил дипломатические отношения с КНР. Данный факт по-прежнему вызывал высокую оценку со стороны китайских властей, пользовавшимся всяким случаем напомнить об этом. Его сын, действующий премьер, считал себя продолжателем дела отца. Тем самым, он стремился постоянно продемонстрировать местным хуацяо, составляющим треть населения страны, что способен не только на взаимовыгодной основе решать проблемы с таким сложным партнером, как Китай, но идти на их дальнейшее углубление. В частности, 2014 г. в честь 40-летия установления официальных отношений между двумя странами объявлен годом дружбы.

При Наджибе значительно расширились гуманитарные контакты между двумя странами. Посольство КНР в Куала-Лумпуре заняло второе место среди китайских дипломатических представительств за рубежом по числу выданных виз. В среднем за последние годы 1,6 млн. китайских туристов посетили Малайзию, одновременно около 1,4 млн. малайзийцев выезжало в КНР⁹.

Всестороннее развитие двусторонних отношений, особая позиция Путраджаи по проблемам ЮКМ наводили некоторых наблюдателей на мысль о начавшемся процессе «финляндизации» Малайзии, т.е. в значительном подчинении ее внешнеполитического курса влиянию КНР.

Однако в реальности Путраджая придерживалась стратегии хеджирования: проводя курс прагматичного сотрудничества с набирающим мощь Китаем, одновременно развивала

имеющиеся отлаженные военно-политические и экономические связи с США и проявляла заинтересованность в укреплении единства АСЕАН дабы быть готовой к любому сценарию в будущем.

Малайзия пошла на расширение военного сотрудничества с США. В ходе визита в феврале 2014 г. адмирала Джонатана Гринерта, начальника управления военно-морских операций США, была достигнута договоренность о расширении числа заходов американских военных кораблей в малайзийские порты. С 2008 по 2013 гг. их число составило 132. Обсуждались вопросы взаимодействия в проведении операций подводных лодок и другие вопросы безопасности. В неофициальном порядке США обратились с просьбой поддержать направленный Филиппинами в Международный трибунал по морскому праву иск по поводу нелегитимности притязаний КНР на всю акваторию ЮКМ¹⁰.

Со своей стороны, Малайзия приняла решение о создании собственного корпуса морской пехоты, нацеленного, в первую очередь, на охрану морских платформ по добыче нефти и газа, а также о строительстве военной базы в Бинтулу, где расположен крупнейший терминал по сжижению природного газа. Однако предпринятые меры скорее вызывались не опасениями «нарастающей угрозы» со стороны Китая, а с целью противодействия вторжениям на малайзийскую территорию по подобию событий в феврале 2013 г. в Сабахе. Тогда вооруженная группа сторонников султана Сулу высадилась на восточном побережье штата с целью подтвердить территориальные притязания султана.

¹ <http://www.asiasentinel.com/politics/obama-to-visit-tarnished-malaysia/>

² New Straits Times, Kuala Lumpur, 10.07.2012.

³ <http://www.atimes.com/atimes/China/NI27Ad03.html>

⁴ <http://thediplomat.com/2014/03/speak-softy-and-carry-a-big-stick-what...>

⁵ <http://www.theborneopost.com/2014/02/05/loss-of-james-shoal-could...>

⁶ Sunday Times, Kuala Lumpur, 06.10.2013.

⁷ New Straits Times, 09.10.2013.

⁸ New Straits Times, 05.10.2013.

⁹ Ibid.

¹⁰ <http://thediplomat.com/2014/03/speak-softly-and-carry-a-big-stick-what...>